

Ирина Дулебова

Университет им. Я.Коменского, Братислава, Словакия
(E-mail: duleba@chello.sk)

Театральная метафора в языке политики Словакии и России в начале XXI столетия*

Целью данной статьи является изучение общих и специфических аспектов метафорической модели «политика — это зрелище» в русском и словацком языках политического дискурса, включая его содержание и формы возможного применения на практике. Результаты исследований показали, что существуют различия на уровне детализации, однако общие принципы общей композиции можно найти в обоих языках.

Ключевые слова: политический дискурс Словакии и России, театральная метафора, прецедентный текст, языковая манипуляция.

В современной политической лингвистике весьма распространены и продуктивны исследования, сопоставляющие «развитие политической коммуникации в России с аналогичными процессами в других посттоталитарных странах, что способствует более широкому рассмотрению проблемы, позволяет выявлять общие и особенные признаки в параллельных процессах развития политических дискурсов» [1]. Наиболее оптимальной формой актуализации, адаптации и надёжного усвоения реципиентом любой политической идеи является метафора. Дж.Лакофф и М.Джонсон справедливо утверждают, что «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь...наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [2]. Главная цель политической метафоры — воздействие на сознание реципиента, потенциального избирателя и последующая манипуляция им. Политики и журналисты постоянно помнят о «зрительской аудитории» и намеренно «работают на публику». Театральному поведению соответствует погружение языка политики в театральный контекст, и поэтому метафора театра — это один из наиболее распространенных способов интерпретации политики (наряду с метафорой войны, спорта, здоровья, дома и семьи). В «Словаре русских политических метафор» А.Н.Баранова и Ю.Н.Караулова (1994) метафора театра занимает пятое место по частоте использования. Прагматический потенциал метафорической модели театра в политическом дискурсе состоит в желании подчеркнуть неискренность участников политической жизни и почти всегда сопровождается коннотацией иронии или несерьёзности происходящего.

Предмет нашего исследования — общее и специфическое в содержании и функционировании метафорической модели «политика — это театр» в российской и словацкой политической коммуникации. В качестве материала для исследования мы использовали архивы за 2000–2014 гг. российских изданий — *Независимой Газеты* и *Аргументов и фактов* (далее — *НГ* и *АИФ*) и архивы за тот же период наиболее популярных в Словакии ежедневных газет *Pravda* и *SME*, представляющих соответственно «левую» и «правую» части словацкого политического спектра.

Поскольку исследование велось на материале близкородственных славянских языков с подобной языковой картиной мира и, что важно в данном случае, похожей театральной традицией и историей XX в., то фактор межкультурных различий был невелик, а поэтому в данном случае логично было использовать предложенную А.П.Чудиновым «методику параллельного исследования метафор, объединённых сферой-источником, при которой выделяют общую для двух языков модель и детально ее описывают, используя для иллюстрации материал каждого из рассматриваемых языков...». Рассматриваемый подход позволяет наиболее полно выделить то общее, что наблюдается в сопоставляемых языках, и на основе этих общих свойств зафиксировать возможные различия» [3]. Опираясь на предложенную Чудиновым логичную и чёткую классификацию театральной метафоры, мы провели сравнительный анализ её использования в современном политическом дискурсе России и Словакии и да-

* Рецензент статьи: доцент кафедры классической и русской филологии кандидат филологических наук Л.М.Харитонова.

лее представляем лишь наиболее популярные сегодня метафорические обозначения в политическом дискурсе этих стран.

1. Фрейм «Виды зрелищных представлений»

Слот 1.1 Собственно театр и его виды

К наиболее распространённым и в Словакии, и в России сегодня, по нашим наблюдениям, относятся метафорические выражения *teamp absurda/absurdná dráma*; *balagan/ jarmocné divadlo, ľudové frašky*; *кукольный teamp/ babkové divadlo*; *моноспектакль / monodrama*; *teamp теней, teamp одного актёра*. Подобные метафоры подчёркивают специфику политической ситуации и оценивают действия политических лидеров. В российском дискурсе мы наблюдаем их бóльшее разнообразие: например, театр теней, театр одного актёра, марионетка, столь популярные в русскоязычных текстах СМИ, нам не удалось зафиксировать в словацком политическом дискурсе, хотя сами понятия являются в словацком языке и культуре популярными, а значит, потенциальным реципиентом легко узнаваемыми. Их коннотативный потенциал при этом, как видно из примеров русского языка политики, неоспорим и в комментариях не нуждается:

Театр теней накануне смуты / Что мы наблюдаем на самом деле: театр абсурда или живущий по своему внутреннему сценарию театр теней, в котором «сказка — ложь, да в ней намёк»? Причём, намёк вполне конкретный, политический / Моноспектакль Путина в Давосе / Туркменский театр одного актёра / Обама — всего лишь марионетка в руках опытных кукловодов / Какой кукловод дёргает за ниточки Порошенко?

Слот 1.2 Смежные с театром виды зрелищных представлений

Различия здесь обусловлены особенностями национальной культуры и имеют преимущественно количественный характер: словаки чаще, чем русские, используют метафоры, связанные с *цирком (cirkus)* и его атрибутами (*трюки/triky*; *волшебники/ kúzelníci* и т.д.), но значительно уступают россиянам по частотности обращения к метафорам мира кино, эстрады, концерта.

Vo vzťahu k riešeniu problému s predajom emisií pôjde len o politický cirkus opozície!

Politický cirkus pre naivných však dokumentuje vzájomná rošáda na poste poradcov / Nie sme tu na komentovanie opozičného cirkusu / Ako v dobrom cirkuse sa musia ľudia cítiť, keď sledujú, ako sa činia naši ústavní činitelia / Dane a mzdy — kúzla a realita / Politické triky voči občanovi sú vo svojej podstate v rôznych obdobiach rovnaké.

2. Фрейм «Служители театра» — метафорическое обозначение разнообразных политических ролей.

Слот 2.1 Автор пьесы или сценария

В современной политической речи одинаково и в Словакии, и в России распространены метафоры *автор / autor, драматург/ dramatik*. Клише (со стёртым метафорическим значением) в обеих странах давно уже стало слово *сценарист/ scenarista*.

Интересно, что, несмотря на популярность, высокий уровень и богатую традицию оперы в Словакии, метафора *libretista, libretto* в исследуемом нами корпусе материалов встречается крайне редко, в отличие от русского языка политики, использующего понятия *либретто* и *либретист* повсеместно. *Не может не поражать похожесть «либретто» Саакашвили, госдепартамента и ведущих американских газет / Межправительственное либретто к трубопроводной опере «НАБУККО» / Печальное либретто киевской оперы*. Столь часто используемое в российских источниках понятие *аранжировщик / hudobná úprava* в словацкой прессе нам зафиксировать не удалось, несмотря на богатейший семантический потенциал последнего. *Громько был не архитектор, он был аранжировщик советской внешней политики / На выборах будут испытываться принципиально новые аранжировки политических интересов*.

Слот 2.2 Создатели спектакля

Государственные деятели и лидеры политических движений часто метафорически обозначаются в обеих странах как *дирижер / dirigent, кукловод / babkar, режиссер / režiser*. Широко используемые в российском политическом дискурсе слова *сценограф, суфлёр, хормейстер, хорист, гример* в словацких СМИ нам зарегистрировать пока не удалось. И, наоборот, столь казалось бы, устаревшее понятие, как *клакер / roztlieskavač, klaka*, весьма популярно как в русском, так и словацком языках политики.

A aj s tým rátajú majstri bábkari, ktorí vkladajú slová do úst politických marionet / Американские СМИ словно по команде невидимого хормейстера слаженно запели о тотальном превосходстве американской системы / Многих экспертов решительность президента заставляет думать, что он

уже действует без политического суфлера / Политические клакеры — явление тоже достаточно известное. В СССР они маскировались под понятием «по просьбам трудящихся» / Сюда же, пожалуй, можно отнести и политических клакеров, любым способом стремящихся остаться приближенными к господствующей элите / Na mítingu chýbala klaka v prvých piatich radoch, resp. neudávala tón potlesku / Zvyšok tvorili koalíční aj opoziční roztlieskavači / nedali si ani tú prácu, aby pripravili roztlieskavačov v radoch koalíčných poslancov.

Необходимо подчеркнуть, что довольно часто стирается грань между собственно театральной метафорой и прецедентным литературным текстом, за ней стоящим, в основном в форме прецедентного высказывания или прецедентного имени. В российских источниках таких скрытых и открытых цитат, реминисценций, аллюзий, прецедентных театральных метафор нам удалось зарегистрировать несравнимо больше, нежели в словацких. К наиболее популярным относятся например, *немая сцена / шекспировские страсти / гамлетовский вопрос/служить публике, но не поклоняться ей / ружьё на сцене / божественная комедия/оптимистическая трагедия / Весь мир — театр, в нём все актёры*. Многие филологи подчёркивают литературоцентризм российского политического дискурса, и исследования словацкого русиста проф. Й.Сипко подтвердили эту мысль в полной мере, поскольку, как оказалось, «русско-словацкое сопоставление функционирования литературных реминисценций в современной русской и словацкой периодике имеет соотношение 16:1 в пользу русских литературных реминисценций» [4].

Необходимо отметить и тот факт, что в российских СМИ театральная метафора часто более развёрнутая, с чёткой логической структурой «театрального» текста с политической подоплекой. Несмотря на популярность театра в Словакии, авторы политических текстов пока не делают попыток, аналогичных российским, спроецировать целую политическую ситуацию в иносказательный «театральный» по форме текст. Приведём примеры в сокращённом виде.

— Это только в сказке бывает так, что марионетки без какого-либо нового кукловода, сами, избрав себе предводителем некоего «буратино», вдруг выступают и достаточно успешно против своего прежнего кукловода-деспота и побеждают его, захватывая власть в театре... В реальности марионетке никогда не стать кукловодом. Стань он хоть президентом, все равно будет марионеткой.

— Русская политика есть пьеса. Она разыгрывается в разных декорациях... Русский мир есть большой зрительный зал, в котором эту пьесу смотрят... Это не очень интересная, довольно кровавая и не самая оптимистическая пьеса... В этой пьесе давно расписаны все реплики... Пьеса играет в последнее время так халтурно, что никто из исполнителей уже не верит ни одному собственному слову... Иногда кто-то с галерки кричит «Не верю!», но он просто не понимает природы театральной условности. Верить — не надо. Надо смотреть. Вопрос о том, почему зрителю не хочется посмотреть другую пьесу, неуместен. Ему не хочется смотреть никакую. Но раз уж он родился в театре — в гулком помещении, где есть плохой буфет, холодный темный зал и небольшая освещенная площадка — он хочет, чтобы актёры бежали по сцене и его не трогали. Он занят, потому и не вмешивается в пьесу. Здесь путём широко развёрнутой театральной метафоры подчёркивается главная черта российской истории и современности — гражданская пассивность населения. Подобных текстов в НГ и АИФ исследуемого периода нам удалось зафиксировать немало, для словацкой прессы (SME, Pravda) они пока не характерны.

В результате наших подсчётов и наблюдений можно констатировать, что в сфере функционирования театральной метафоры в политическом дискурсе Словакии и России общего больше, чем различий. Это можно объяснить тем, что рассматриваемая сфера-источник (театр и его традиции) в мире европейской цивилизации, а особенно родственных славянских культур весьма схожа по содержанию. Нельзя сбрасывать со счетов и совместный исторический опыт XX столетия, и одинаковые направления развития театральной традиции в наших странах уже на протяжении более двух столетий.

Полностью совпадает и прагматический потенциал российской и словацкой театральной метафоры, представляющей политическую борьбу как искусственное зрелище на потребу электората-зрителя. И в российском, и в словацком политическом дискурсе метафора театра в основном возникает в тексте при отрицательном отношении к объекту политической сферы.

Обнаруженные нами различия между российской и словацкой политической метафорой в рассмотренной сфере касаются деталей, а не общих принципов ее организации:

– в словацких СМИ наблюдается бóльшая доля метафор, связанных с миром цирка, а несмотря на безусловную «узнаваемость» словацким читателем таких театральных понятий, как *аранжировка / hudobná úprava; сүфлёр / šepkár; либретто / libreto; хормейстер / zbormajster; гримёр / masker*, широко используемыми метафорами в политическом дискурсе Словакии они пока не стали;

– в России значительно чаще, чем в Словакии, используются образы, которые можно отнести одинаково и к литературным реминисценциям;

– создатели российских политических текстов часто используют более развёрнутую театральную метафору в одном тексте, что способствует значительному усилению её оценочного воздействия.

В заключение мы можем констатировать, что рассматриваемая метафорическая модель имеет интернациональный характер, весьма популярна и в России, и в Словакии, близка по составу фреймов и слотов и по прагматическому потенциалу.

Данная статья написана в рамках проекта VEGA, регистрационный номер 1/0078/13. Kľúčové etapy vývoja ruského umenia 19. a 20. storočia a ich rezonancia v európskom kultúrnom priestore.

Список литературы

- 1 Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая парасоветология // Политическая лингвистика. — Вып. 1(24). — Екатеринбург, 2008. — С. 39.
- 2 Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём... — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — С. 25.
- 3 Чудинов А.П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта, 2007. — С. 185.
- 4 Сипко Й. Этнопсихоллингвистические основы русско-словацких сопоставлений. — Прешов, 2003. — С. 113 // [ЭР]. Режим доступа: www.pulib.sk

Ирина Дулебова

XXI ғасыр басындағы Словакия мен Ресей саясаты тіліндегі театралдық метафора

Мақаланың мақсаты орыс және словак тілдерінің саяси дискурсындағы «саясат — бұл көрініс» метафоралық моделінің жалпы және өзіндік ерекшеліктерін анықтау болып табылады. Автор оның тәжірибеде қолданылу формасы мен мазмұнын қарастырды. Зерттеу нәтижесінде, кейбір жеке ерекшеліктеріне қарамастан, екі тілде де жалпы композицияға ортақ принциптер болатындығы дәлелденді.

Irina Dulebova

Dramatical metaphor in Slovak and Russian political languages of the XXI century

The aim of this article is to examine general and specific aspects of a metaphoric model «Politics Is a Spectacle» in Russian and Slovak political discourse, including its content and forms of possible application in practice. Research findings show that there are differences on detail level; however common principles of general composition can be found in both languages.

References

- 1 Budayev E.V., Chudinov A.P. *Linguistic quasi sovietology // Political linguistics*, 1(24), Yekaterinburg, 2008, p. 39.
- 2 Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*, Moscow: Publ. LKI, 2008, p. 25.
- 3 Chudinov A.P. *Political linguistics*, Moscow: Flinta, 2007, p. 185.
- 4 Sipko Y. *Ethnological, psychological and linguistics basis of Russian and Slovak comparisons*, Preshov, 2003, p. 113. // [ER]. Access mode: www.pulib.sk